

Елена
Арсеньева

любовь великих женщин

Прекрасные
авантюристки

Елена Арсеньева
Сердечко мое (Анна Монс)
Серия «Прекрасные авантюристки»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138517
Прекрасные авантюристки: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04718-2

Аннотация

Кто они, прекрасные авантюристки, прославившие себя в нашем Отечестве? Что двигало этими женщинами, заставляя их искать приключений и пытаться изменить предначертанное судьбой? Почему, невзирая на трудности и опасности, шли они не по той тропе, которая ждала их от рождения, а по выбранной ими самим, отчего яростно спорили с волей небес, поражая и восхищая тем самым своих современников? Об ослепительном блеске и печальном закате звезды княжны Таракановой, о страстных авантюрах фаворитки Петра I Анны Монс читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

От автора	4
Сердечко мое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Арсеньева

Сердечко мое

Анна Монс

От автора

Слово «авантюристка» воспринимается нами как не очень почтенное. Что-то вроде обманщицы, мошенницы, чуть ли не спекулянтки. Согласно словарю Даля, «авантюрист – искатель счастья, приключений; землепроходец, проходимец».

Слово «авантюра» по-французски означает приключение. И авантюристка – или *авантюрьерка*, как очаровательно говорили в старину! – это не более чем искательница приключений. Совсем другое дело, верно? Если авантюристка все же мошенница, то она пытается не обмишурить ближнего своего, а – обмануть судьбу.

Искать приключений, уметь переписать предназначенное тебе от века, обладать достаточной смелостью, чтобы пройти – или хотя бы попытаться пройти! – по другой тропе, чем та, которая ждет тебя от рождения. Споткнуться на этой тропе, упасть, свалиться в пропасть, выбраться снова на дорогу жизни или остаться лежать во прахе – но до самого смертного часа помнить, что хоть ненадолго, а все же удалось по-

спорить с непрекаемой волею небес!..

Именно о таких женщинах, отмеченных в русской истории с первых лет ее исчисления, и рассказывается в этой книге.

Сердечко мое

Анна Монс

«Мать честная, ну и дуры ж вы, бабы! А влюбленные бабы – дуры втрое!»

Алексашка Меншиков сгреб себя ладонью за нос и сделал вид, будто чихает. Нельзя было допустить, чтоб Петруша, сиречь государь Петр Алексеевич, увидел выражение его лица. Изумление мешалось в чертах Алексашки с преехиднейшей насмешкою, а сего Петруша не простил бы даже вернейшему и первейшему другу. Поэтому Алексашка нарочно чихал и даже принялся сморкаться, еще более надежно упрятав свою плутовскую физиономию в огромный батистовый платок, который долгое время пребывал за обшлагом его рукава девственно-нетронутым, но при этом он продолжал наблюдать за каждым движением Петра.

Тот по-прежнему стоял неподвижно, уставясь на мертвое тело, распростертое на мокром песке у его ног.

Тело сие принадлежало саксонскому посланнику Кенигсеку. Он входил в свиту русского царя, сопровождал его при осаде Шлиссельбурга.¹ Рискованное дело, конечно, все же боевые действия, а ну как залетит какое-никакое шальное ядро с противной стороны, быть тогда беде!..

---

¹ Дело происходило в 1703 году.

Ядро не залетело, а беда приключилась-таки: однажды, проходя по узенькому мостику, переброшенному через неширокий ручей, Кенигсек оступился, упал в воду – и утонул. Утонул в ручье, где и воробью-то по колено! Сломал при падении шею, вот почему так вышло.

Конечно, ничего радостного в том, что на твоих глазах гибнет человек, быть не могло. Однако Петр после первой растерянности мигом пришел в себя и приказал обшарить карманы посланника. Последнее время у него возникали смутные подозрения, что Кенигсек заодно кормится и со шведского стола, а потому нарочно препятствует переписке самого Петра и короля Польского, курфюрста Саксонского Августа. Петр надеялся найти в карманах утонувшего какие-то секретные письма... и нашел-таки их. Однако ни к королю Августу, ни к заносчивым шведам эти письма не имели никакого отношения, поскольку были писаны не кем иным, как... Анной Монс, любовницей самого царя Петра, и писаны к Кенигсеку!

Вдобавок в кармане находилась ее миниатюра, усыпанная драгоценностями, и вот именно при взгляде на это тщательно вырисованное красивое, свеженькое, хотя, может быть, и чуточку жестковатое лицо Алексашка едва сдержал так и рвущиеся с языка слова: «Ну и дуры же вы, бабы! А уж влюбленные бабы – дуры втрое! Кого ж ты на кого поменяла, Аннушка? И какого, скажи на милость, тебе надобно было рожна?!»

Алексашка знал Анну Монс давно – еще до той поры, как она стала принадлежать русскому царю. Очаровательная, в меру сдобная, в меру стройная, светловолосая и голубоглазая, с такими упругими грудями, что они то и дело выскакивали из лифа, будто смеялись над корсетом, с пухлым розовым ротиком, словно созданным для поцелуев, она только на первый, наивный взгляд казалась воплощением невинности и неискренности. Петр – да, он был наивен и простодушен, даром что с юных лет успел перепробовать великое множество баб и девок. Такое множество, что Вильбуа, лейб-медик юного государя, отзывался о нем чуть ли не с ужасом:

– В теле его величества сидит, должно быть, целый легион бесов сладострастия!

Познать женщин он успел превеликое множество, а вот *узнать* их так и не смог. За недосугом.

Петр быстро вспыхивал – и моментально остывал. Завалив (вот именно так: общепринятое выражение «затащить в постель» здесь совершенно неуместно, ибо до постели он частенько и дойти-то не мог, одолеваемый неодолимым зудом в чреслах, а потому мгновенно «применялся к местности», как выражаются люди военные) – итак, завалив очередную служанку либо родовитую даму, прачку либо бюргершу, скотницу либо купчиху, попадью либо пасторскую дочь, сооте-

чественницу либо иноземку – без разницы! – молодой царь через час уже не помнил ее лица, ну а об имени просто не успевал осведомиться. Где уж тут задумываться о чувствах! Однако Анна Монс с первого взгляда привела его в то состояние, кое обычно приписывают легендарной жене Лота.

Алексашка в ту минуту оказался рядом. Он наблюдал, как вытаращились темные глаза, приоткрылся маленький – бабий, ей-богу! – ротик молодого государя, как встопорщились черные усики, делая лицо Петра похожим на морду мартовского кота, какое ошалелое выражение наблюдалось не только в этом лице, но и во всей высоченной, нескладной фигуре, и восхищенно думал, что пройдоха Лефорт, как всегда, оказался прав.

Вот же зараза, а? Отлично понимает, на какой иноземный крючок можно зацепить крепче всего молодого русского царя, чтобы держать его при себе, словно глупого леща в садке. Одежда диковинного покроя, легкая, удобная, красивая и многоцветная, не стесняющая движений в отличие от тяжелых боярских, тем паче царских традиционных русских одеяний, это само собой. Голые, бритые подбородки и дивной красоты, огромные, словно разноцветные сугробы, парики, завитые мелкими и крупными кудрями, – конечно! Веселое, приветливое обхождение, бочки, нет – реки, даже моря хмельного, веселого вина и затейливо, не по-русски приготовленная еда – разумеется! Танцы, напоминающие брачные пляски веселых, ярких, беззаботных птиц, – о да! Рос-

кошь обстановки и убранства домов – не грубые сундуки и лавки, а легонькие табуреты на гнутых ножках, легкомысленные лежа, кокетливые складки полупрозрачных занавесей... Но самое главное – женская красота. Чужая, другая – не русская, не тяжеловесная, не пышная, не спрятанная за румянами да белилами, не завешанная стыдливо фатой, не прикрытая широким рукавом. Красота откровенного смеха, и блеска распутных глаз, и голых плеч, выглядывающих из пышного платья, так что очаровательница в пене шелковых оборок чудится истинной Венерой, вот только что, вот сейчас вышедшей из морской пены, созданием коей она являлась...

Ну и, конечно, это должна быть красота отнюдь не пустая, а обладающая умом, хитростью и, главное, умением мгновенно подстроиться под настроение мужчины – пусть даже такого русского медведя, каким однажды ввалился русский царь в тихие, совершенно немецкие улочки и переулочки Кукуй-городка, чтобы навеки плениться этим чистеньким пряничным благолепием. Точно так же, как Немецкая слобода сделалась для него олицетворением далекой, чужестранной, богатой, разумной и успешной жизни, так и Анна Монс сделалась олицетворением женской красоты. А еще – чем-то вроде сахарной куколки, отпробовать которую он жаждал, словно дитя малое, неразумное...

Однако Алексашка ошибался, думая, что это Лефорт решил подсунуть Анхен царю в качестве приманки и зацепки.

Все было совсем не так! Эта шалая и в то же время рассудительная мысль принадлежала самой Анхен.

Вот так все и всегда ошибались на ее счет, начиная с родителей. И папенька, виноторговец Иоганн Монс, и матушка, и старшие дети (Анна была в семье младшей, за нею следовал лишь братец Виллим) были убеждены, что весь ум достался сестре Модесте. А вот Анхен получила в награду от небес лишь прелесть, очарование, красоту, коими, конечно, надо будет со временем распорядиться с толком, как капиталом.

Знала Анхен, что такое в понимании ее родителей – «распорядиться с толком»! Выдать ее замуж «за хорошего человека». Но, *main lieber Gott*,² какая тоска охватывала ее при этих словах – «хороший человек»! Вот сестрицу Модесту – со всем ее умом – выдали за поручика Теодора Балка. И что? Велено Модесте дома сидеть, высиживать Теодору малых деток, одного за другим, а при этом мыть да чистить до зеркального блеска маленький хорошенький домик, чтобы царила в нем та же пряничная, сахарная чистота, что и в домах прочих кукуйцев. О нет, ничего против этой чистоты Анхен не имела. Однако наводить ее своими руками она не собиралась. Это должны были делать за нее другие! А ей надлежало только холить и лелеять свою чудную красоту – ну и выстав-лять ее на обозрение жадных взоров мужчин.

Богатых и знатных мужчин, само собой разумеется.

---

² Бог ты мой (нем.).

Самым богатым и знатным среди всех кукуйцев слыл Франц Лефорт. Он был родом из Женевы, однако не унаследовал от отца страсти к оседлой и добропорядочной жизни, общался с иноземцами, мотался по Европе. Иоганн Монс любил приватно вспоминать о том времени, когда этот двадцатилетний искатель приключений в 1676 году приехал в Москву среди прочих иноземных офицеров, но в Немецкой слободе, подобно своим сослуживцам, не засиделся, а стал своим человеком среди русских. Они ему очень нравились, эти русские. Нравились своим чистосердечием и отвагой, а также простодушной хитростью: были уверены, что умнее всех в целом мире, но об этом самом мире знать ничего не знали. И не больно-то хотели знать! Лефорт имел сердце отважное и благородное, а потому был искренне признателен стране, в которой сделал блестящую карьеру. Он был отличным воином, участвовал во всех кампаниях тех лет, зарекомендовал себя абсолютно бесстрашным человеком, который владел всяким оружием и, к слову сказать, стрелял из лука с непостижимой ловкостью, даже лучше, чем татары! Близкий ко двору военачальник Патрик Гордон, на родственнице которого женился Лефорт, делал ему самые хорошие рекомендации и помогал сводить нужные знакомства. С равным прилежанием служил Лефорт сначала Алексею Михайловичу, затем Федору Алексеевичу, беспрекословно состоял под началом любовника царевны Софьи, князя Василия Васильевича Голицына, ну а когда Софья звезда закати-

лась, с охотой присягнул молодому государю Петру Алексеевичу. Более того! Когда еще в 1689 году Петр бежал вместе с матерью, сестрой и молодой женой от мятежных стрельцов из Преображенского в Троицу, именно полковник Лефорт первым привел своих солдат, чтобы защищать молодого царя. Государь при этом изволил вспомнить: Лефорт был представлен ему еще несколько лет назад, когда Петру едва десять годков сравнялось. Вскоре полковника произвели в генералы, царь не гнушался называть его своим другом. Лефорт был со всеми на короткой ноге, знал великое множество людей, в его доме на берегу Яузы с равным удовольствием толклись иностранные дипломаты и русские бояре, которые, в голос хая иноземцев, от коих, как это всем издавна известно, проистекают все беды России, в то же время, пусть и украдкой, тянулись к яркости и видимой беззаботности жизни этих самых иноземцев.

– О, Франц далеко пойдет! – качал головой Иоганн Монс, а однажды Анхен услышала, как он с искренней досадой сказал жене: – Какая жалость, что в ту пору, когда Франц искал себе супругу, наша Модеста была еще ребенком! Вот был бы для нее блестящий муж!

Анхен только головой покачала, дивясь тому, что эти мужчины, и прежде всего ее отец, ровно ничего не понимают в жизни. Франц Лефорт – блестящий мужчина, это да. Но как муж он оставляет желать лучшего. Жену свою, красавицу Елизавету, как завез несколько лет назад в Киев, где

тогда служил, так там и оставил. А сам живет холостяком, и уж юбок-то женских кружится вокруг него!.. По слухам, он очень щедр со своими любовницами, настолько щедр, что дамы даже не возражают, когда Франц делится ими со своими приятелями. Потому что приятели эти не абы кто, не мушкетеры какие-нибудь с пустым карманом, а приближенные ко двору люди и даже сам царь! Вот совсем недавно Франц представил ему Флору, дочку ювелира Боттихера. Эта маленькая, словно мышка, черненькая, словно мушка, распутница недолгое время развлекала Лефорта в постели, но стоило ему почуять тоску, охватившую сердечного друга Петера после того, как его чуть ли не силком женили на нелюбимой, хоть и родовой красавице Евдокии Лопухиной, – и Лефорт с дорогой душой презентовал Боттихершу Петру. Какое-то время царь с ней забавлялся, но потом дал отставку, ибо такое впечатление, что он вообще не умел привязаться к женщине надолго. Однако расположение его к Лефорту с тех пор возросло в несчетное число раз. Трубку свою подарить или вином щедро попотчевать – это всякий может, а вот отдать другу свою женщину – на это способен только истинный, бескорыстный, задушевный друг!

С тех пор Петр просто-таки дневал и ночевал в доме Лефорта, отделанном на французский лад с изяществом и роскошью, к которой Франц Яковлевич (так его называли на русский манер) имел врожденную склонность. А поскольку государь, любивший мешать дело с бездельем, являлся не

один, а в «тесной компании» (достигавшей иной раз 200–300 человек), то явилась необходимость расширить дом Лефорта. К нему начали делать обширный пристрой, и государь не жалел подарков и денег для украшения нового жилья своего друга.

Ах, с какой тоской смотрела Анхен на это строительство, на веселье, которое по-прежнему вспыхивало в старом доме, на шумные кавалькады, сопровождавшие царя! Вот где ей место! Вот где она сможет «распорядиться с толком» своей красотой! Но при всей смелости своих мыслей в поступках Анхен была весьма робка. Не подойдешь же, не скажешь Францу Лефорту, что она хочет сделаться его любовницей, дабы через некоторое время он подарил ее русскому царю, улучив время, когда у того настанет очередная тяжелая минута!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.